

В.В. Шапошникова

«Двенадцать»

— Особенности и смысл пейзажа в первой строфе поэмы.

Контраст «черного» и «белого» (зла и добра в символике цвета у Блока) обозначает непримиримость противостояния, отсутствия нюансов, полутонов, бескомпромиссность борьбы политических сил в России в январе 1918 года. «Ветер», символ стихии в творчестве Блока (а погода в Петрограде в январе 1918 года действительно была ветреная, метельная), бушует в поэме «на всем Божьем свете». Таким образом вводится масштаб изображения событий в поэме — не улица, город, страна, а Вселенная. Здесь, в первой строфе, в таком бытовом контексте, впервые появляется упоминание Бога; эти упоминания, множась, в конце подведут к Главной встрече. Тоже разговорное, выражение «на ногах не стоит человек», имеет и обобщенно-философский смысл — человек, потеряв почву под ногами, как бы летит в порыве ветра. «Лететь» в разбушевавшейся стихии (вспомним «степную кобылицу» в Куликовском цикле) Блок будет призывать и себя в это время: в его дневнике за февраль 1918 года есть фраза: «Только — полет и порыв, лети и рвись, иначе — на всех путях гибель». В статье января 1918 года «Интеллигенция и революция», составившей вместе с поэмой «Двенадцать» и стихотворением «Скифы» так называемую «январскую трилогию» Блока 1918 года, поэт писал о «музыке революции», которую надо уметь слышать. Наличие музыки в мире оправдывает, по Блоку, мир, и эта музыка слышится с самого начала поэмы — со сменой и перебивом ритмов, со вздохами, вскриками, песнями, выстрелами, смехом вьюги, насмешками автора — разнообразными голосами революции. Это свое запечатление музыки, кажется, больше всего и позволило абсолютно скромному Блоку назвать себя «гением» после написания поэмы — и в этом не только высочайшая самооценка, сколько понятие в духе немецких романтиков представление о гении как духе нации, о человеке, уловившем «Дух музыки», бытия. Общий смысл этой музыки — трагический, но при этом и веселый.

— Что означал лозунг «Вся власть Учредительному Собранию!» в конце января 1918 года, когда была завершена поэма?

Заседания Учредительного Собрания, идея которого была поддержана широкими слоями русской общественности, были открыты 5 января 1918 г., а в ночь на 7 января «учредилка» была разогнана большевиками. Таким образом, плакат, упомянутый в первой главе, для конца января — анахронизм, символ старого мира, недаром под этим плакатом собираются представители этого мира. Блок, разочаровавшийся в буржуазном парламентаризме, не считал ошибкой разгром «учредилки» новой властью. Это авторское отношение к лозунгу проявилось в том, что помещен плакат «на канате»; специальное упоминание «каната», протянутого «от здания к зданию», создает клоунско-цирковые, несерьезные ассоциации.

— Почему, по-вашему, не в ладах снег и старушка, мороз и буржуй, сугроб и поп, лед и барыня, ветер и плакат?

Разыгравшаяся стихия природы обрушивается на людей уходящего мира. Это мещански-ограниченная, «как курица», старушка; это «буржуй», стоящий «на перекрестке» исторических путей; это «писатель-вития», напоминающий сходный некрасовский образ красная, далекого от народа:

В столице шум, гремят витии,
Идет словесная война,
А там, во глубине России, —
Там вековая тишина.

Всевидящий автор как бы разглядывает в кружении метели все новые лица, не сразу их узнавая («А это кто?»), указывая на новые («А вон», «Вон»). Иронический образ «товарища попа» с «брюхом», сияющим на народ «крестом», компрометирует саму идею распятия. Весело, саркастически противопоставляется прошлое и настоящее попа: «Что нынче невеселый... Помнишь, как бывало...» На льду поскользнулась жеманная «барыня в каракуле» — и не жалко ее автору, с удовольствием сопроводившему ее падение словечком «бац»; автор как бы отождествляет себя с «ветром веселым», который «и зол, и рад», с вьюгой, которая заливаётся «смехом» — месть стихии всему отжившему, больному оправдана и радостна. Ветер «рвет, мнет и носит» плакат, который уже давно пора снимать. Под этим же плакатом, своими репликами компрометируя его содержание, собираются и девицы легкого поведения, сообщающие, что и у них было собрание, где они постановили, что «на время» с клиента будут брать десять рублей, а «на ночь — двадцать пять...» Сродни ветру один лишь бродяга, к которому обращен голос автора: «Э, бедняга! Подходи — Поцелуемся...» Улица, однако, пустеет; на ней «один бродяга сутулится, Да свищет ветер». Устрашающий свист сказочного Соловья-Разбойника завершает «партитуру» первой главы, нарисовавшей картину мытарств людей старого мира как чуждых стихии. В конце 1 главы возникает тема и «святой злобы», названной также и «грустной» и «черной». Эта тема и подготавливает появление двенадцати. Святость злобы — в этом, казалось бы, невозможном сочетании проявляется отступничество новых героев от официального православия.

— Почему Блок намеренно абстрагирует героев своей поэмы — говорит не о двенадцати красногвардейцах, а описывает «двенадцать человек»? Каковы герои поэмы?

Начиная с названия, поэма ориентирует на символическое прочтение: в поэме «Двенадцать» 12 героев, 12 глав, 336 строк, что в сумме цифр дает тоже 12. Числа, кратные 3, являются указанием, по Блоку, на особую закономерность, неслучайность совершающегося; об этом свидетельствует, например, «Новая жизнь» и «Божественная комедия» Данте — автора, близкого Блоку. Красногвардейский патруль на улицах революционного Петрограда действительно, говорят, состоял из 12 человек, и в этом вполне реальном факте Блок увидел особый символический смысл. 12 апостолов, учеников Христа, как бы это ни казалось кощунственным — их он прозревал за героями-разбойниками своей поэмы. Недаром на полях своей поэмы он написал фразу из Евангелия: «И был с разбойником» (имеется в виду: Иисус был распят рядом с разбойником, Им прощенным и уверовавшим в Него). Появилась в черновике рядом с предыдущей измененная цитата из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» — «Жило двенадцать разбойников»; в этом месте поэма Некрасова говорит, что разбойнику простился его грех за убийство злодея. В портрете этих «двенадцати» подчеркивается расхристанность, удалые и разбойничьи черты: «В зубах цыгарка, примят картуз, На спину б надо бубновый туз». «Бубновый туз» — желтый или красный ромб, нашитый на спине каторжника. Восьмая глава представляет собой разбойничью песню; по свидетельству Блока, со строчки этой песни «Ужь я ножичком Полосну, полосну!..» началась для него поэма. Герои поэмы будут грабить, совершат убийство, будут стрелять даже в Христа (впрочем, Его не видя). «Дети в железном веке» — так называл их Блок, оправдывая их деяния как «возмездие» старой жизни, своему классу. «Дети» они еще и потому, что «бессознательные» (одна из характеристик Петьки).

— Каков смысл любовного сюжета поэмы?

Из 2-й главы мы узнаем об угрожающих разговорах «двенадцати» — об изменившем им и разбогатевшем «буржуе»-Ваньке, который в кабаке развлекается с Катькой. Ванька-Каин русского лубка, Иуда вспоминаются здесь. Фраза «Был Ванька наш, а стал солдат» в январе 1918 могла обозначать только одно — он стал солдатом Керенского, тоже добровольцем, как и красногвардейцы. Регулярная армия у новой власти (Красная Армия) появится только в феврале 1918. А фамилия Керенского в сниженном варианте, в назва-

нии денег, мелькнет в поэме в характеристике Катьки: «У ей керенки есть в чулке». Относящееся к Ваньке ругательство «сукин сын» откликнется в поэме в негативном образе «пса паршивого» — символа зла, старого мира. Шествие «двенадцати» совершается «без креста», и это происходит, возможно, потому, что «крест» — на жирном брюхе попа. Вместе с этим и «Святая Русь», старая, патриархальная, «кондовая», «избяная», «толсто-задая», — мишень для этих «товарищей».

В 4-й главе произошла первая встреча с теми, о ком только что (во 2-й главе) говорили красногвардейцы, — с Ванькой и Катькой. Ванька действительно «богат» — он едет на «лихаче», у которого на оглобелях «електрический фонарик» (он был с батарейками и тоже считался признаком богатства); и крик «ах, ах, пади!» не случайно перенят лихачами от барских кучеров. В портрете предателей («физиономия дурацкая» у Ваньки, «Катька-дура») нечто кукольное, так «откликнулась» драма Блока «Балаганчик», где «картонная невеста» умчалась с Арлекином в «извозчичьих санях» от Пьеро и затем упала в снег. «Полет» Ваньки и Катьки, как ни странно, напоминает полет «степной кобылицы», и эти ассоциации усилятся в 6-й главе. «Заговаривание» Катьки Ванькой («Катьку-дуру обнимает, Заговаривает...») напоминает влияние на женщину «чародея» из стихотворения «Россия». В 6-й главе произошла новая встреча двенадцати с парочкой, которая кружится или нарочно дразнит Петьку. Слова и выражения «опять», «несется вскачь», «летит» заставляют вспомнить трагический полет «степной кобылицы». Эта, вторая встреча, имела кровавые последствия — оторопь после первой встречи прошла, и теперь Петруха готов отомстить своему сопернику. Два выстрела по Ваньке были неудачными — «утек, подлец!» Петька угрожает ему новой грядущей расправой, его окрик «ужо» напоминает Евгения из «Медного всадника» Пушкина. И тут Петька вспоминает, что в удаляющихся санях он не видел Катьку: «А Катька где?» — он, оказывается убил ее! Первая реакция, злобно-удовлетворенная («лежи ты, падаль, на снегу!..»), — конечно, сгоряча; страшное раскаяние придет позже. Мотив невольного убийства, образы «бедного убийцы», блудницы, евангельские образы — все это воскрешает в поэме Блока петербургский роман Достоевского «Преступление и наказание» и ведет еще далее — к «Пиковой даме» Пушкина. Любовный сюжет поэмы несет в себе «вихри» революции, и борьба за Катьку (в ее греческом имени и лице чистота, в поведении — порок) между двумя врагами отдаленно напоминает сражение за Россию, о чем говорили при первом появлении поэмы.

— *Опишите и прокомментируйте внесюжетные элементы поэмы.*

В 3-й главе солдатская песня с фольклорными выражениями «буйна голова», «горьгорькое» выводит на народные представления о доле воина. Песня передает безграничность революционного «пожара»: «мировой пожар», на разжигание которого «двенадцать» просят благословить «Господа», они намереваются раздуть и вовне, и внутри человека («мировой пожар в крови»). Подобный образ был у Блока в конце стихотворения «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» из Куликовского цикла: «Закат в крови! Из сердца кровь струится!» 5-я глава представляет собой «жестокий романс», в форму которого адекватнее всего уложились переживания оскорбленного ревнивца Петрухи. Отвечает жанру и Катька, обольстительная («грудь», «ножки», «кружевное белье») и «роковая» («царапина» под грудью, погибший из-за нее «офицер») — предмет раздора между нынешними врагами Петькой и Ванькой. Она, дитя городских окраин, грубая и притягательная, играет в опасную игру — у ее любовников оружие. Как известно, «любовь — кровь» одна из частых рифм городского фольклора. Кстати, строку Блока из этой главы «Юбкой улицу мела» изменила Л.Д. Блок на «Шоколад Миньон жрала» — длинные юбки уже не носили. 8-я глава — разбойничья песня с мотивом «горя-горького», скуки, которую можно прогнать кровавой мстостью, с этими угрожающими «ужь» (известна приверженность Блока старой орфографии). 9-я глава начинается известной песней на слова Ф. Глинки «Узник», ставшей популярным городским романсом; две первые строчки ее сохранены, а 3-я и 4-я изменены в соответствии с изменившимся временем (было: «А на штыке городского Горит двурога луна»). Внесюжетные элементы поэмы тоже

формируют «музыку революции», а «простаивая» и «тормозя» сюжет, создают необходимое напряжение. Фольклорная основа песен дает возможность ощутить народную душу в разгуле социальной стихии.

— *Каков смысл финального шествия и «встречи»?*

Непогода к концу усилилась, вьюга «разыгралась» (мотив игры, забавы, веселья — постоянный в поэме, см. напр., «повеселел», «позабавиться»), демонические силы разгуливаются: «Снег воронкой завился, Снег столбушкой поднялся». В стихотворении «Русь» (1906) сказано о таком явлении: «И ведьмы тешатся с чертями В дорожных снеговых столбах» — согласно народным поверьям, в таких «столбах» водится нечистая сила.

Еще вряд ли пришедший в себя после случившегося, Петруха неосторожно машинально упомянул имя Бога («Ох, пурга какая, Спасе!»), и его одернули «товарищи» — не может убийца обращаться к Спасу («Спасе» — утраченная в современном русском языке форма звательного падежа от «Спас»):

— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?

И в 11-й главе вновь подчеркивается, что идут они «без имени святого». Мотив дали, пути, пыли («пылит пурга», «вьюга пылит») сигнализирует об исторической знаменательности, неслучайности «державного» шествия.

Красный флаг «в очи бьется», манит, притягивает к себе взгляд, настораживает. Игра ветра с флагом («разыгрался») вновь напоминает о злом и радостном веселье истории. Потом вьюга «долгим смехом» будет заливаться в снегах — она смеется над попытками двенадцати убить «товарища», невидимого для пули, — Христа «с кровавым флагом» в руках. Эту фигуру, видную автору, так и не суждено было увидеть тем, кто Его преследовал в слепящей пурге (объективно — следовал Ему?). Они и сами не знали, что шли туда, куда Он их вел, и поэтому весь смысл финальной процессии Христос – двенадцать – пес может выглядеть иначе. Действия людей нового мира, располагающихся между Добром и Злом, но движущихся в сторону Добра, оправданы, получается, Блоком, хотя «пес паршивый», символ зла (см. «Фауст» Гете), так и останется с ними, оборачиваясь «волком».

«Бессознательность» поведения двенадцати все меняет: они стреляют по Нему, но не знают, что по Нему; их выстрелы безвредны для Него; они следуют за Ним, искупителем их грехов, держащим в руке «кровавый флаг». Поэма, конечно, — не хвала и не хула; сложность финального шествия, сложность, неоднозначность поступков двенадцати отражают сложность революции в восприятии Блока, который, как известно, избегал «идеи» трактовки финала, лишь объясняя, что «если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь «Исуса Христа». И добавлял: «Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак», писал о том, что надо, чтобы вел Другой. С. Булгаков предположил, что под видом Христа Блоку в метели явился антихрист. Современные критики, продолжая эту линию, учитывают и святочное время написания поэмы, время ряженных; уж не пушкинские ли «бесы» кружат в метели? Есть мнение (а у поэмы Блока существует и множится грандиозное количество толкований), что «Исус», ведущий революционеров, — это не евангельский Иисус, а «Исус» староверов и сектантов.

Третья встреча поэмы — это не-встреча идущих «державным шагом» и тем не менее плутающих в пурге людей нового мира с Тем, кто тоже причастен стихии (Он явился «снежной россыпью жемчужной»), но при этом знает цель. Он не ищет с ними встречи, как бы дразнит, уводит их. Он вне земных законов смерти («И от пули невредим»), в Нем

женственная нежность и чистота («Нежной поступью надвьюжной», «в белом венчике из роз»), и этот манящий призрак является перед не сознающими себя Его учениками красным пятном — «кровавым флагом» искупления грехов тех, кто не ведаёт, что творит.